

ФАНТОМ ФЁДОРА РОКОТОВА

Людмила Маркина

«Герои Рокотова — многозначные фантомы, мерцающие из глубины полуторавековой старины» — так в 1920-х годах писал исследователь творчества художника¹. Прошло почти сто лет, а утверждение о рокотовских персонажах-призраках остается верным. Более того, сегодня можно говорить о фантомности самого художника. В истории русской живописи, пожалуй, нет другого портретиста, личность и творчество которого вызвали бы столь живой интерес у специалистов и любителей и одновременно были окутаны такой густой завесой тайны. Неслучайно названия нескольких публикаций о Рокотове включают слова «загадка», «тайна», «туман»². Надеемся, выставка «Фёдор Рокотов», проходящая в Государственной Третьяковской галерее с 19 февраля по 24 апреля 2016 года, поможет в какой-то мере снять флер таинственности с рокотовских образов.

Впервые имя Рокотова я услышала, будучи ученицей старших классов. Помню экскурсию по старой Москве. В районе Немецкой слободы, рядом с особняком дяди А.С. Пушкина на Старой Басманной, нам показали дом художника Ф.С. Рокотова. Обнаруженное соседство сразу и навсегда соединило в моем сознании имена великого поэта и художника. Тогда же я услышала строки Николая Заболоцкого: «Любите живопись, поэты! / Лишь ей, единственной, дано / Души изменчивой приметы / Переносить на полотно. / Ты помнишь, как из тьмы былого, / Едва закутана в атлас, / С портрета Рокотова снова / Смотрела Струйская на нас?» С тех пор прошло немало времени: защищены две диссертации, подготовлена лекция о Рокотове в академическом курсе по русскому искусству, накоплен опыт в атрибуциях его произведений, вышли статьи и книги о художнике³. Однако ясности в

осмыслении творчества мастера не прибавилось ни у меня, ни у других. Доподлинно о Фёдоре Рокотове всегда было известно немного. Уже в начале 1760-х годов он — модный портретист и сложившийся профессионал. Современник Якоб Штелин, посетивший ателье художника в апреле 1764 года, писал: «Он уже был столь искусен и знаменит, что один не мог справиться со всеми заказанными ему работами»⁴. Есть документ, сообщающий, что 7 июля 1765 года адъютант Ф. Рокотов удостоился звания академика ИАХ⁵. Другие факты биографии, подтвержденные архивами, практически отсутствовали. А там, где недостает точных сведений, правят бал смелые гипотезы. Искусствоведам приходилось подключать воображение и «расцветивать» жизнь Рокотова невероятными событиями и образами. В самом деле, кем был этот удивительный человек, чем можно объяснить столь быстрый взлет его карьеры?

Дореволюционные исследователи объясняли успех Рокотова дворянским происхождением живописца, «вследствие которого он стоял ближе других художников к высшему классу общества и лучше их понимал его вкусы»⁶. В советское время появилась ничем не подкрепленная версия о принадлежности Рокотова к разночинцам⁷. А.В. Лебедев, много лет изучавший творчество мастера, утверждал, что художник «происходил из дворян... трудовая карьера, избранная юношей Рокотовым, указывает на отсутствие больших средств у родителей»⁸. Действительно, в камер-фурьерском журнале от 13 января 1762 года есть упоминание о «кадетском прапорщике Рокотове» из новгородских дворян⁹. Сенсацией стала челобитная Рокотова 1776 года, обнаруженная А.И. Михайловым в Московском областном историческом архиве, в которой художник писал о «моем брате Никите Степанове сыне Рокотове, слугителе князя Петра Ивановича Репнина», отпущенном вместе с женой и детьми на волю. Отсюда автор публикации сделал смелый вывод, что художник «вышел из крепостных крестьян и происходил из вотчины князей Репниных Воронцово. Рокотов сформировался как живописец еще в Москве и, подобно Аргуновым, принадлежал к плеяде талантливых крепостных мастеров»¹⁰. Указанное Михайловым дело по приведенной ссылке современными исследователями (Т.Г. Гармаш) не найдено, как до сих пор не обнаружены документальные свидетельства освобождения от крепостной зависимости самого Фёдора Рокотова. Поэтому в литературе распространилось мнение, что художник был внебрачным сыном князя и мог получить вольную уже при рождении¹¹.

А когда же родился будущий портретист? Историки искусства не знают точной даты. Судя по исповедным книгам¹² московской церкви Никиты Великомученика на Старой Басманной, в приходе которой находился дом художника, Рокотову в 1787 году был 51 год¹³. По мнению И.Г. Романычевой, датой рождения художника следует считать 1736 год¹⁴. Действительно, анализ более 30 исповедных книг показал, что этот год статистически встречается чаще¹⁵. Р. Подольский опубликовал метрическую запись о смерти мастера, «коему от роду было 76 лет», значит,

«время рождения должно быть определено 1732 годом»¹⁶.

Теперь о «бастардском»¹⁷ происхождении живописца. Предполагаемый родитель Рокотова, Пётр Иванович Репнин (около 1718–1778), слыл при елизаветинском дворе известным волокитой, в официальном браке с М.И. Головкиной детей не нажил. Если принять во внимание, что Рокотов родился в 1732 году, то «недоросль» Репнин должен был зачать ребенка в возрасте 12–13 лет. На самом деле в начале 1732 года молодого князя зачислили в Сухопутный шляхетский кадетский корпус, и до самого выпуска в армию в январе 1737 года он находился в Петербурге и древнюю столицу не посещал. Кроме того, Репнин не был единоличным владельцем села Воронцово, которое располагалось в шести километрах от Калужской заставы, и где, как считалось, появился на свет будущий художник¹⁸.

Прочитав написанное, читатели могут прийти к мнению, совпадающему со словами авторитетного исследователя: «Неужели так уж важно знать его происхождение, его учителей и другие вехи его биографии, относительно которых до сих пор нет единого мнения? Неужели недостаточно сотни его портретов, в которых, конечно же, запечатлена его индивидуальность?»¹⁹. Но с исследованием художественного наследия живописца дело обстоит не лучше, чем с изучением биографии. В последней монографии И.Г. Романычевой указано 152 подлинных произведения Рокотова, и всего семь работ сохранили автограф мастера. Однако не каждый автограф может служить подтверждением авторства художника.

Недавно обнаруженная прорись лицевого иконописного подлинника с изображения архангела Михаила и фрагментарной подписью: «Федора окотова» заставила некоторых исследователей сделать поспешный вывод, что художник мог обучаться у московских иконописцев. А главное, «...изображение лика приобрело в иконописи большое значение, что позволило Рокотову приобрести навыки в изображении человека»²⁰. Однако возникает сомнение (Б.А. Косолапов), что это подпись автора произведения, а не владельческая надпись. И вряд ли прорись

Ф.С. Рокотов.
Портрет А.П. Струйской.
1772. Холст, масло. 59,8x47,5.
Государственная Третьяковская
галерея. Москва

могла служить образцом для светских изображений. В отличие от Левицкого и Боровиковского, писавших иконы, Рокотов, насколько известно, в этом виде искусства себя не проявил. По нашему мнению, даже на начальном этапе своего становления художник не имел никакого отношения к мастерам-иконописцам. Никто из исследователей его творчества не обратил внимания на то, что Рокотов не исполнил ни одного портрета священнослужителя, тогда как и Левицкий, и Боровиковский изображали деятелей церкви.

В середине XVIII века в России работало много иностранных мастеров светской живописи, под руководством которых можно было освоить «живописную науку». Некоторые произведения Рокотова побудили Н.Н. Врангеля назвать его «слепым подражателем Токке»²¹. А.Н. Бенуа писал: «Ученик Ротари, он послушно шел за сво-

им учителем, очень добросовестно, очень точно, почти сухо изображая одинаково бесстрастно лица и костюмы своих моделей»²². Заметим, что взлет популярности художника приходится на 1762 год, когда скончался итальянец Пьетро Ротари. Якоб Штелин фиксирует наличие в это время огромного количества небольших камерных портретов мастерской Рокотова. Как утверждает А.А. Бобриков, «Рокотов – это фабрика. Ему принадлежат сотни портретов (из рокотовских “головок”, как из “головок” Ротари можно составить не один Кабинет мод и граций)»²³.

Опытный искусствовед-технолог И.Е. Ломизе пишет: «Даже сейчас, когда специалисты уже многое знают об особенностях творческой манеры этого художника, трудно назвать определенно те признаки, которые безоговорочно обозначат степень близости произведения непосред-

Ф.С. Рокотов. Портрет В.Е. Новосильцовой. 1780. Холст, масло. 70,5x59. Государственная Третьяковская галерея. Москва

ственно к мастерской Рокотова или так называемому «кругу Рокотова»²⁴. Уважаемый автор противоречит собственным словам. В результате новейших технико-технологических исследований на двух парадных профильных портретах Екатерины II (ГТГ и ГМЗ «Павловск») она все же обнаружила признаки (!) мастерской. Такой же точки зрения придерживается Н.Г. Преснова: «...оба портрета были выполнены не самим Рокотовым, а в его мастерской разными живописцами. Подпись на полотнах соответствует по написанию его автографам и была нанесена портретистом на заключительном этапе работы»²⁵.

В 1763 году Рокотов «...по собственному желанию и рисунку написал портрет Ее величества, императрицы Екатерины II в полный рост, сидящей в профиль на фоне смелого архитектурного сооружения, в котором видно много хорошего вкуса. Говорят, Ее величество послало ему в подарок 500 рублей. Эту столь похожую и сильно написанную картину я видел при дворе в спальне его превосходительства господина камергера графа Орлова», – писал Якоб

Штелин²⁶. Профильный оригинал стал эталоном для изображения императрицы. В 1766 году Рокотову было заказано шесть копий этого портрета для их рассылки в различные российские посольства за границей²⁷.

Небывалый случай: русского художника предпочли знаменитому шведскому портретисту Александру Рослину, приглашенному в Петербург из Парижа в 1775 году. Портрет российской императрицы в рост, исполненный им, буквально детально передал особенности внешности стареющей Екатерины, поэтому не получил одобрения царственной заказчицы. Императрица иронично заявила парижскому корреспонденту Г. Гримму, что хваленый иностранец изобразил ее с физиономией «пошлой, как у шведской кухарки». Поэтому другим художникам было указано при написании последующих портретов следовать рослиновской композиции в целом, а лицо писать «по Рокотову». Так появилось иконографическое изображение типа «Рослин – Рокотов».

Итак, Рокотов был единственным русским живописцем, которому позировала императрица Екатерина II. Значит ли это, что художник «попал в случай» и каприз государыни определил его творческую судьбу? Думается, что мастер, благодаря прежде всего своим способностям, а не только связям, перерос статус «случайного человека». Рокотов удостоился чести писать изображения людей из ближнего круга императрицы – фаворита Григория Орлова, наследника Павла Петровича, мальчика А.Г. Бобринского – плода запретной любви великой княгини Екатерины Алексеевны и гвардейского офицера Г. Орлова, который родился 11 апреля 1762 года, за несколько месяцев до дворцового переворота, приведшего к власти его мать²⁸. Долгие годы в личных покоях императрицы хранился «Портрет А.Г. Бобринского в детстве» (середина 1760-х годов, ГРМ).

На портрете Алеша послушно замер в той позе, которую ему велели принять: он сидит на красной бархатной подушечке и крепко сжимает в кулачке серебряную погремушку. По традиции тех лет мальчик облачен в платьице и передник, на голове – кружевной чепчик, поверх него – модная круглая шапочка с черным ободком

и розовыми лентами. В отличие от наследника престола Павла Петровича, которого с самого раннего детства изображали в мундире и с орденской лентой, Бобринский представлен по домашнему.

Пленительной непосредственностью и выразительностью наполнен «Портрет А.М. Римского-Корсакова в юности» (конец 1760-х годов, ГТГ). Генерал Александр Михайлович Римский-Корсаков (1753–1840) родился в Москве в семье статского советника, по женской линии был родственником поэта Фёдора Тютчева. Юноша получил блестящее домашнее образование. В возрасте 15 лет Александр был записан капралом в Лейб-гвардии Преображенский полк. Так как Римский-Корсаков изображен Рокотовым не в мундире, можно предположить, что он позирует перед отъездом на военную службу.

В 1892 году «Портрет А.М. Римского-Корсакова» приобрел П.М. Третьяков. С этого произведения начинается отсчет работ портретиста, находящихся в галерее. Павел Михайлович, «истинно и пламенно любивший живопись», был одним из первых коллекционеров, заинтересовавшихся творчеством малоизвестного тогда Рокотова, как говорили, «туманного художника». Не исключено, что поводом к покупке послужило то, что у Третьякова уже был портрет Римского-Корсакова 1820-х годов кисти А. Варнека, приобретенный по совету самого И.Е. Репина. Это произведение представляло генерала на склоне лет, поэтому собиратель, когда представилась возможность, купил изображение Римского-Корсакова и в молодые годы.

Рокотовская коллекция, собранная в Третьяковской галерее, по праву считается лучшей. Здесь находятся истинные шедевры мастера: портреты знаменитой А.П. Струйской и ее супруга, выпускницы Смольного института В.Е. Новосильцовой, признанного гения русского поэтического Парнаса В.И. Майкова. В постоянной экспозиции представлены изображения москвичей, непосредственно связанных с А.С. Пушкиным: крестившего его А.И. Воронцова и А.Ю. Квашниной-Самариной, которая приходилась родной сестрой С.Ю. Пушкиной, прабабушке поэта по материнской линии.

На персональной выставке работы Фёдора Рокотова извлечены из привычной среды постоянной экспозиции. Феноменальный успех выставки Серова показал, что даже хрестоматийная «Девочка с персиками» может быть открыта заново. Как будет воспринята Александра Струйская зрителями XXI века, покажет будущее.

Ф.С. Рокотов. Портрет А.Г. Бобринского в детстве. Середина 1760-х гг. Холст, масло. 59,5x47. © Государственный Русский музей. Санкт-Петербург

Ф.С. Рокотов. Портрет А.М. Римского-Корсакова в юности. Конец 1760-х гг. Холст, масло. 56,5x46. Государственная Третьяковская галерея. Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лебедев А.В. Русская живопись в XVIII веке. М., 1928. С. 44.
- ² Кочик О.Я. Загадки Рокотова // Возрожденные шедевры. М., 1963; Молева Н.М. Загадки Рокотова, или Жизнь великого портретиста времен Екатерины. М., 1994; Пелевин Ю.А. Александра Струйская: судьба и тайна // Историк и художник. 2006. № 4. С. 25–28; Опимах И.М. Ее глаза как два тумана // Смена. 2012. № 3. С. 74–85.
- ³ Маркина Л.А. Портреты кисти Рокотова. Новые приобретения Третьяковской галереи // Искусство. 1986. № 9. С. 65–67; Маркина Л.А. Ф. Рокотов. Из собрания ГТГ. М., 1986; Маркина Л.А. Федор Рокотов. Серия «Великие имена из собрания Государственной Третьяковской галереи». 2007. № 6.
- ⁴ Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. Т. 1. СПб., 1990. С. 67.
- ⁵ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. 1773. Д. 563. Л. 6.
- ⁶ Новицкий А.Ф. Рокотов // Русский биографический словарь. Том Рейтерн – Рольберг. М., 1913. С. 432.
- ⁷ Кузминский К.К. Ф.С. Рокотов, Д.Г. Левицкий. М., 1939. С. 87.
- ⁸ Лебедев А.В. Федор Степанович Рокотов. Русский художник XVIII века. М.-Л., 1945. С. 4–5.
- ⁹ Керзум Андрей. Ф.С. Рокотов. Материалы к библиографии // Антикварный мир. 2013. Октябрь. С. 9.
- ¹⁰ Михайлов А.И. К биографии Ф.С. Рокотова // Искусство. 1954. № 6. С. 76–77.
- ¹¹ Коваленская Н.Н. История русского искусства XVIII века. М., 1962. С. 235.
- ¹² Исповедные книги (рописи) имеются в каждой приходской церкви. По установленной форме там записывают прихожан, бывших в церкви у исповеди и св. Причастия. Один экземпляр книг хранится при церкви, другой отсылается в консисторию ежегодно. В известных случаях они служат доказательством событий, удостоверяемых обыкновенно метрическими книгами. В России исповедные записи получили распространение в 1716 году, когда с целью контроля сборов в казну с раскольников и неисповедующихся было предписано поповским старостам подавать списки последних. В 1737 году для исповедных книг была предложена новая форма, по которой в эти росписи обязательно вносились все прихожане обоюбого пола «от престарелых до сущего младенца», по чинам и домам, с точным обозначением, кому сколько лет от роду.
- ¹³ Лапшина Н.П. О некоторых ранних произведениях Рокотова // Искусство. 1951. № 5. С. 84.
- ¹⁴ Романых И.Г. Федор Степанович Рокотов: Жизнь и творчество. СПб., 2008. С. 22.
- ¹⁵ Оксенюк А. Когда родился Рокотов. Что нам показали исповедальные (ошибочно. – Л.М.) книги // Антикварный мир. 2013. Октябрь. С. 15.
- ¹⁶ Подольский Р. Новые материалы о Ф.С. Рокотове // Искусство. 1958. № 12. С. 68.
- ¹⁷ Бастард – внебрачный сын влиятельной особы (короля, герцога, графа и т. п.).
- ¹⁸ Гармаш Т.Г. Воронцово // Антикварный мир. 2013. Октябрь. С. 17.
- ¹⁹ Римская-Корсакова С.Р. Несколько слов о Ф.С. Рокотове // Антикварный мир. 2013. Октябрь. С. 6.
- ²⁰ Романых И.Г. Указ. соч. С. 43–44.
- ²¹ Врангель Н.Н. Иностранные художники XVIII века в России // Старые годы. 1911. Сентябрь. С. 18.
- ²² Бенуа А.Н. Русская школа живописи. М., 1997.
- ²³ Бобриков А.А. Другая история русского искусства. М., 2012. С. 68.
- ²⁴ Ломизе И.Е. Портреты «круга Рокотова». Проблемы искусствоведческой атрибуции // Антикварный мир. 2013. Октябрь. С. 90.
- ²⁵ Преснова Н.Г. Федор Рокотов: столицы и усадьбы. М., 2016. С. 16.
- ²⁶ Записки Якоба Штелина... С. 67.
- ²⁷ Алексеева Т.В. Новое о Рокотове // Русское искусство XVIII века. Материалы и исследования. М., 1968. С. 277–278.
- ²⁸ По легенде, ребенок воспитывался в семье гардеробмейстера Василия Григорьевича Шкурина. Поэтому Алексея называли то Шкуриным, то князем Сицким (Сицкие – угасший в конце XVII века, наиболее близкий к Романовым род). Чаще всего в переписке старались вовсе обойтись без фамилии и использовали словосочетания «молодой человек», «маленький господин». Только в апреле 1775 года за Алексеем была закреплена фамилия Бобринский (по названию пожалованной ему в 1763 году Бобриковской волости в Тульской губернии).

Ключевые слова: Ф.С. Рокотов, портрет Екатерины II, портрет А.П. Струйской, портрет А.Г. Бобринского, выставка.

Работы Ф.С. Рокотова на с. 44 воспроизведены по каталогу: «Фёдор Рокотов. 1735/1736–1808». М., 2016.

Ф.С. Рокотов. Портрет Екатерины II. 1763. Холст, масло. 155,5x139. Государственная Третьяковская галерея. Москва

От редакции

Выставка Фёдора Рокотова, от идеи до воплощения которой в силу разных обстоятельств прошло семь лет, дала возможность сотрудникам Третьяковской галереи тщательно исследовать произведения художника. Следствием проведенной в музее технико-технологической экспертизы стали сенсационные выводы (например, отнесение бесспорных ранее авторских работ к мастерской художника). Приглашаем куратора выставки Н.Г. Преснову и искусствоведа-технолога И.Е. Ломизе аргументировать свою позицию в следующих номерах «Русского искусства».